

© А. И. ГЛУХОВ, В. Н. КАЛУЦКОВ

СТРАНСТВУЮЩИЕ ГОРОДА РОССИИ

Феномен странствующего селения был открыт нами в 1990-е гг. в результате применения комплексного культурно-ландшафтного подхода при исследовании севернорусских деревень, перемещавшихся с места на место под влиянием требований хозяйства и в результате действия природных факторов, половодий и ледоходов [10]. Позже при работах на Куршской косе выявлены постоянно мигрирующие селения под влиянием наступления песчаных дюн [12]. В целом странствующее селение представляет собой малоисследованное явление, хотя оно известно на протяжении тысячелетней истории России.

Под странствующим городом понимается такой город, который в течение своей истории хотя бы раз сменил местоположение.

Существующие подходы. В осмыслении феномена, в понимании новых процессов городской жизни велика роль культурно-географических подходов, которые активно развиваются в российской географии в 1990-е и особенно 2000-е гг. Среди их предшественников нужно назвать работы антропогеографов и градovedов, в первую очередь В. П. Семенова-Тян-Шанского [20] и Н. П. Анциферова [1].

Развитие гуманитарных методов и подходов в географии связано с общей тенденцией ее гуманизации. Формируется новое понимание города как центра общественной и политической жизни как мозаики этнических, социальных и профессиональных групп, как места формирования особой — городской — идентичности, как особого культурного ландшафта (работы Ю. А. Веденина [2, 3], В. А. Колосова, Н. С. Мироненко [14], В. Л. Каганского [9], М. П. Крылова [15], В. Н. Калущкова [11, 12], Т. И. Герасименко [4]).

В исследовании проблематики странствующего селения перспективно применение гуманитарно-географических подходов, представленных в работах М. В. Рагулиной [18], Д. Н. Замятина [7, 8], В. Н. Стрелецкого [22], И. И. Митина [16], А. А. Соколовой [21] и других исследователей.

Утрата городищ, исторических объектов города, шире «исторической памяти» вызывает к жизни противоположные тенденции, связанные с мифологизацией городской истории и повышением внимания к роли места и пространства в жизни города. Тем самым эсхатологический вектор городской истории замещается конструированием новых образов места.

Исследовательский материал. В результате анализа десятков литературных источников, среди которых выделяется справочник «Города России», и Интернет-публикаций с учетом личного исследовательского опыта были выявлены круг странствующих городов России и массив дополнительной информации [5].

На основе полученных данных создана геоинформационная система «Странствующие города России». Она включает точные географические координаты и ландшафтные условия мигрирующих городов и городищ, их современные и прошлые названия (топонимы), даты и причины переезда, принадлежность к определенным административным единицам, а также другую историческую и географическую информацию.

На данный момент на территории России выявлено 67 городов, которые хотя бы раз на протяжении своей истории меняли свое местоположение.

Пространственный анализ. Странствующие города встречаются на всем пространстве России — от ее западных пределов до Курильских островов (рис. 1). Значительная часть (почти четверть) находится в пределах Центральной России.

Интересно, что 12 % среди странствующих городов имеют не одно, а два городища, т. е. перемещались с одного места на другое дважды. Наиболее известные случаи — Оренбург и Белозерск; к таким городам также относятся Ачинск, Братск, Ду-

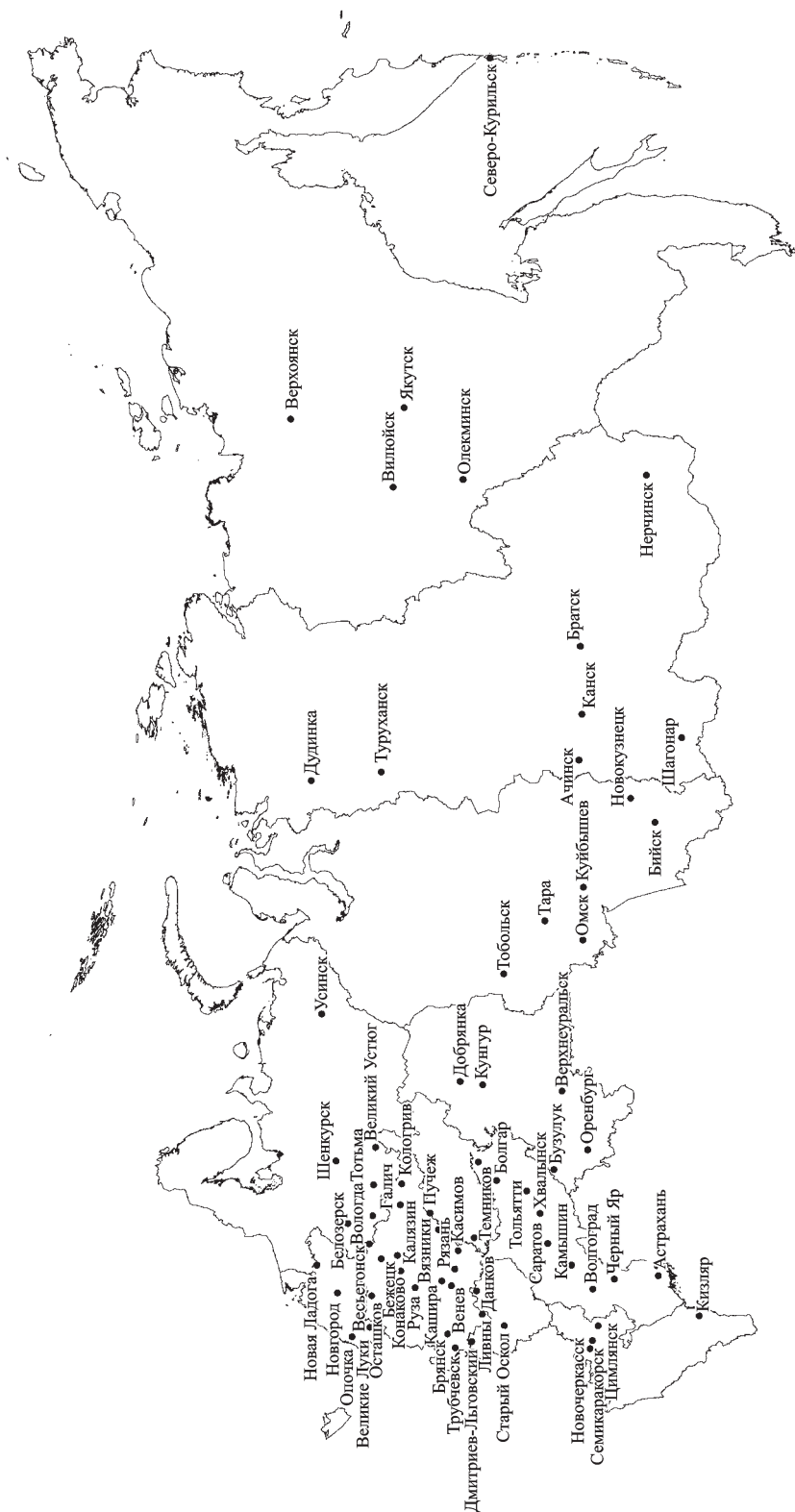

Рис. 1. Странствующие города России.

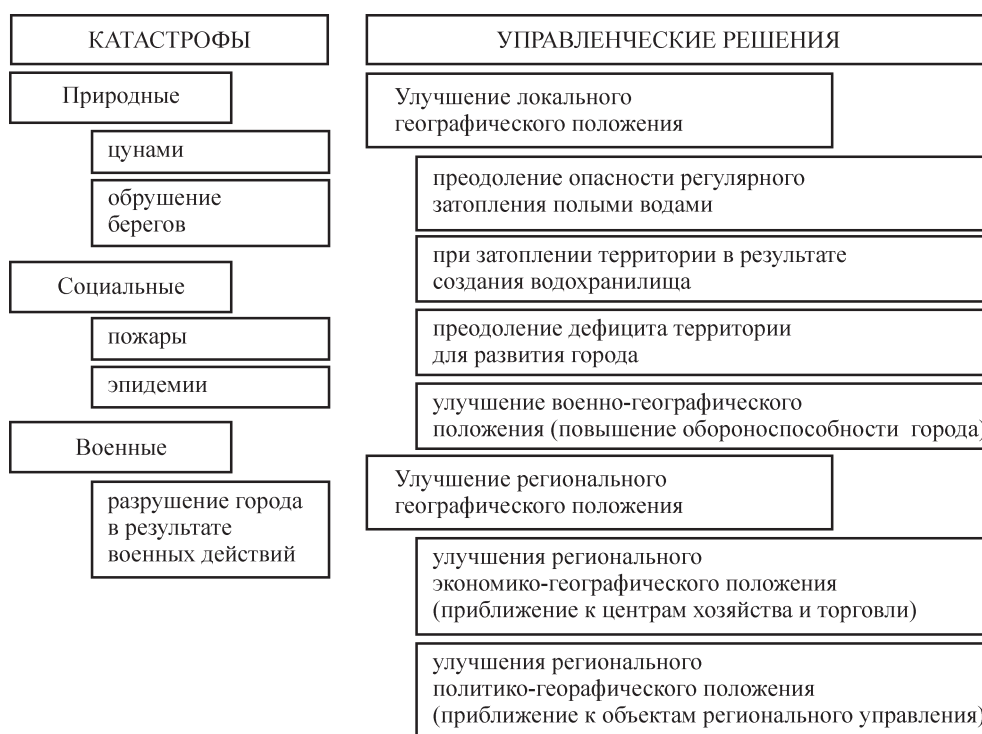

Рис. 2. Классификация причин переезда городов России.

динка, Нерчинск, Саратов, Туруханск и Якутск. Однако безусловный лидер в этом списке — г. Семикаракорск Ростовской области. Расположенный в долине Дона и страдающий от его половодий, Семикаракорск в течение своей истории 4 (!) раза менял местоположение.

Примерно треть рассматриваемых городов переехала на небольшое расстояние от городища — не более 4 км; в 56 % случаев дальность переезда составляла не более 10 км. Первенство по данному показателю принадлежит трем городам — Туруханску, который за два переезда сместился на 275 (!) км от первичного местоположения, Оренбургу, который также за 2 раза переместился на 251 км, и Ачинску, уехавшему на 155 км. К «городам-дальнобойщикам» также относятся: Братск (94 км), Верхоянск (84 км), Вилюйск (73 км), Якутск (61), Белозерск (52 км), Рязань (51 км); в этом ряду преобладают сибирские города, основанные в XVII—XVIII вв.

Классификация и анализ причин переезда городов. Среди причин пространственного перемещения городов выделяются две основные группы — **катастрофические** и **управленческие** (рис. 2).

Катастрофические причины, вызывающие, как правило, разрушение города и как следствие необходимость его возрождения на новом месте, включают не только природные, но и социальные (пожары, эпидемии), и военные причины; последние связаны с военными действиями, приводящими к уничтожению городов.

В целом управленческие решения играли большую роль в пространственной миграции городов России. При этом выделяем 2 основные группы мотивов и причин — улучшение локального и улучшение регионального географического положения (рис. 2). Управленческие решения по улучшению локального географического положения городов подразделяются на 4 конкретные позиции — преодоление опасности регулярного затопления при половодье, при затоплении территории в результате создания водохранилищ, в случае дефицита территории для развития города и в целях повышения обороноспособности города.

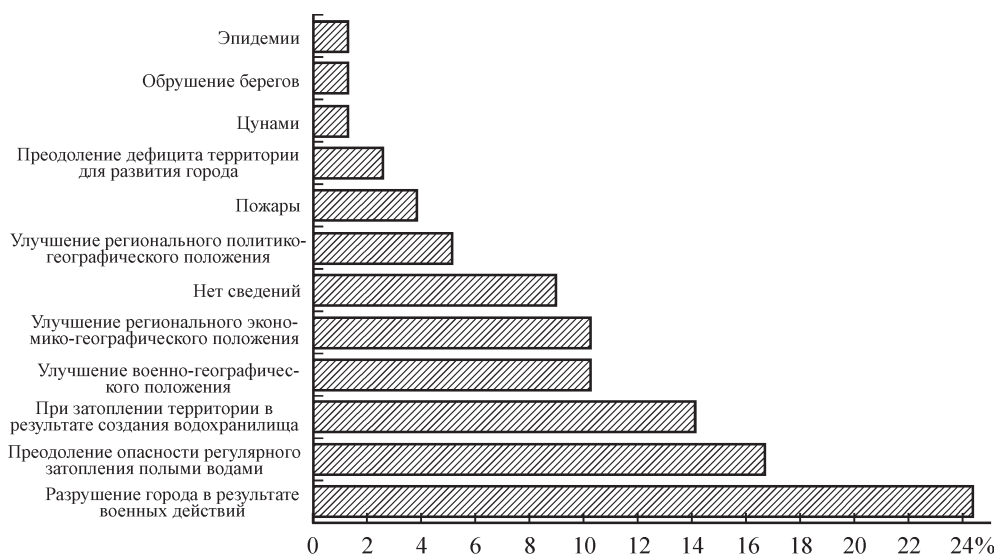

Рис. 3. Причины переезда городов России с IX по XX в. (количественный анализ).

Управленческие решения по улучшению регионального географического положения подразделяются на 2 позиции — улучшение экономико-географического положения, обычно связанное с необходимостью приближения города как центра власти и управления к центрам регионального хозяйства и торговли, и улучшение политико-географического положения.

Для выбора нового места размещения деревни местные культурные традиции играли значительную роль [10]. Применительно к городам сведений такого рода сохранилось немного.

Интересным примером противодействия местного сообщества решению о смене неблагоприятного местоположения является Новочеркасск [16]. Столица войска Донского располагалась в Черкасске (ныне станция Старочеркасская). Необходимость переноса столицы вызывалась многими социально-экономическими и экологическими причинами. Одной из них являлось ежегодное длительное затопление Черкасска водами разливающегося весной Дона. В качестве защиты от наводнений была предпринята попытка возвести по проекту Антония Людвиг де Романо защитный земляной вал, но строительство его не завершилось вследствие дороговизны и ненадежности. Другой причиной стали частые пожары в казачьей столице, построенной хаотично, без генерального плана, в огне которых выгорало до половины скучено выстроенных деревянных строений. Кроме того, к Черкасску отсутствовали надежные сухопутные подъездные пути. Несмотря на то что 10 из 11 представителей станиц, входивших в состав Черкасского городка, на Казачьем круге отказались перенести столицу, атаман Платов сделал представление императору с просьбой разрешить перенести Черкасск в другое место. Разрешение было дано в высочайшем указе Александра I от 23 августа 1804 г., а 18 (30 мая) 1805 г. в день великого православного праздника Вознесения Господня состоялось историческое торжество закладки новой столицы Дона. Разработку регулярного плана нового города осуществлял военный инженер Ф. П. Деволан: прямые широкие улицы и большие площади хорошо вписывались в рельеф местности.

Анализ причин реальных переездов городов демонстрирует показательные результаты (рис. 3). Среди основных двух групп причин переездов примерно две трети случаев приходится на управленческие решения и только треть связана с катастрофами разного характера. Это свидетельствует о значительной роли государства в решении судеб русского города.

Среди отдельных причин переезда городов на первое место вышли военные причины, разрушение города в результате военных действий (24 % случаев), при этом все случаи относятся к X—XVIII вв. русской истории. Второе место (17% случаев) — управленческие решения по преодолению опасности регулярного затопления городов полыми водами, а третье (14 % случаев) — связано с принятием решений о переносе городов при создании крупных равнинных водохранилищ в XX в.

Исторические аспекты. Города пространственно перемещались в течение всего последнего тысячелетия, а причины их миграции менялись в разные периоды истории России. 23 % всех случаев приходится на древнерусский и ордынский этапы русской истории (с IX по XV в.). Среди древнерусских городов Великий Новгород и Белозерск, вероятно, относятся к самым первым «мигрантам».

60 % всех случаев переезда городов соответствует самому территориально активному периоду русской истории — с XVI по XIX в. Расширение территории государства, строительство городов-крепостей по новым границам нередко приводили к военным столкновениям и разрушениям городов.

17 % перемещений городов приходится на советский период истории страны. В основном они связаны с созданием крупных равнинных водохранилищ в европейской и азиатской частях России в 1940—1970-е гг.

Образ и имиджевые ресурсы странствующего города. Странствующие города обладают богатыми ресурсами географического воображения, которые могут развиваться в связи с темой оставленного или утраченного городища, эсхатологическими мотивами, анализом топонимических изменений и т. д.

При переезде городов возникает разная топонимическая ситуация. Классическая ситуация связана с Новгородом Великим, где сохранилось место и характерный топоним Городище (бывшее Рюриково Городище) и «говорящий» топоним Новгород (Новый город).

При переезде на новое место некоторые города сохраняли или только видоизменяли свое имя, сохраняя «генетическую» память, например, Белоозеро — Белозерск, Старая Рязань — Рязань, Старая Ладога — Новая Ладога, Черкасск — Новочеркасск, Оренбург, хотя и отъехал на 250 км от р. Орь, но сохранил и свое имя, и память старого места — г. Орск. Другие города оказались менее «памятны», к примеру, г. Спасск (Спасск-Татарский, Куйбышев), который после переезда стал Болгаром.

Некоторые примечательные случаи переезда городов нашли свое отражение в художественной литературе. Так, В. И. Даль описывает ситуацию с перемещениями Оренбурга: «Выше — места разнообразные, частью гористые и лесистые; но бедный Оренбург, перенесенный с места на место до трех раз, судьбы своей не миновал: он наконец-то расположился в безлесной и голой пустыне» ([6], с. 98). Вероятно, не без влияния писателя сложился самобытный образ Оренбурга как трижды заложенного и единожды рожденного города.

Но, вероятно, наиболее сильный художественный образ, применимый для любого затопленного и перемещенного города, создал Валентин Распутин в своей повести «Прощание с Матёрой» [19]. Образ гибнущей д. Матёры перекликается с образом уходящей из-под ног матери-земли, разрушенной малой Родины.

Пример Великого Новгорода демонстрирует важность темы **городища** для устойчивого развития любого, в том числе и странствующего города. Идея городища актуальна для воспитания городской идентичности и поддержания местных культурных традиций. Еще в X в. Новгород переехал на 2,5 км ниже по Волхову с очень значимой для русской истории территории — Рюрикова городища. Одна из версий названия Новгород связана с его перемещением. Ныне на месте села Городище создается музей-заповедник; для Новгорода Городище представляет собой место его рождения, для страны — символическое (и реальное) начало русской государственности.

Некоторые города в результате перемещения и новых экономических решений получили импульс развития. Так, малоизвестный городок Ставрополь-на-Волге превратился в автогигант Тольятти. При этом некоторые образы старого города стали значимыми городскими брендами, например образ основателя Ставрополя В. Н. Татищева.

Другие города, например Болгар, не получили пока больших экономических дивидендов, но сохраняют в архитектуре и устной городской истории память о старом городе, которая реализуется в интересных образовательных и музейных проектах.

Выводы

Феномен странствующего города — новый и необычный предмет градостроительского исследования. Выявлены две основные группы причин смены местоположения российских городов — катастрофы и управленческие государственные решения. На разных исторических этапах причины переезда городов менялись. В XX в. перенос сотен деревень и десятков городов в России связан в основном с созданием крупных равнинных водохранилищ.

Странствующие города обладают значительными ресурсами географического воображения. Для устойчивого развития любого, в том числе и странствующего города, актуальна разработка темы городища, что связано с необходимостью формирования муниципального сознания, воспитания городской идентичности, поддержания местных культурных традиций.

Рассмотрение положительных и негативных последствий смены местоположения города в процессе его пространственного развития представляет собой перспективное поле дальнейших исследований.

Работа выполнена при поддержке РФФИ (проект № 10-05-00097а).

Список литературы

- [1] *Анциферов Н. П.* «Непостижимый город...». Душа Петербурга. Петербург Достоевского. Петербург Пушкина. СПб.: Лениздат, 1991. 335 с.
- [2] *Веденин Ю. А.* Очерки по географии искусства. М.: Институт Наследия, 1997. 224 с.
- [3] *Веденин Ю. А.* Информационная парадигма культурного ландшафта // Культурный ландшафт как объект наследия. М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. С. 68—81.
- [4] *Герасименко Т. И.* Проблемы этнокультурного развития трансграничных регионов. СПб., 2005. 235 с.
- [5] Города России: энциклопедия / Гл. редактор Г. М. Лаппо. М.: Изд-во БРЭ, 1994. 559 с.
- [6] *Даль В. И.* Бикей и Мауляна: повести, рассказы, очерк. Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1985. 384 с.
- [7] *Замятин Д. Н.* Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.
- [8] *Замятин Д. Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетейя, 2003. 331 с.
- [9] *Каганский В. Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: сборник статей. М.: НЛО, 2001. 576 с.
- [10] *Калуцков В. Н.* Феномен «странствующего» селения и его ландшафтная индикация // Культурный ландшафт Русского Севера: Пинежье, Поморье. М.: Изд-во ФБМК, 1998. С. 21—38.
- [11] *Калуцков В. Н.* Основы этнокультурного ландшафтоведения. М.: Изд-во МГУ, 2000. 96 с.
- [12] *Калуцков В. Н.* Культурно-ландшафтный подход к вопросам культурного наследия в деятельности национальных парков (на примере НП «Куршская коса») // Экспедиционные исследования: состояние и перспективы. Первые Междунар. науч. чтения памяти Н. М. Пржевальского (материалы конф.). Смоленск, 2008. С. 200—204.
- [13] *Калуцков В. Н.* Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 320 с.
- [14] *Колосов В. А., Мироненко Н. С.* Геополитика и политическая география: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. 479 с.
- [15] *Крылов М. П.* Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый Хронограф, 2010. 240 с.
- [16] *Логонов А. Н.* Городки донских казаков // Вопросы гуманитарных наук. М., 2004. № 2. С. 16—18.
- [17] *Митин И. И.* Комплексные географические характеристики. Множественные реальности мест и семозис пространственных мифов. Смоленск: Ойкумена, 2004. 160 с.
- [18] *Рагулина М. В.* Культурная география: теория, методы, региональный синтез. Иркутск: Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. 171 с.

- [19] *Распутин В. Г.* Прощание с Матёрой. М.: АСТ, Астрель, 2006. 128 с.
[20] *Семенов-Тянь-Шанский В. П.* Район и страна. М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. 312 с.
[21] *Соколова А. А.* Ландшафт в системе традиционных пространственных представлений: географическая интерпретация диалектных образов. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2007. 392 с.
[22] *Стрелецкий В. Н.* Географическое пространство и культура: мировоззренческие установки и исследовательские парадигмы в культурной географии // Известия АН. Сер. географическая. 2002. № 4. С. 18—28.

Москва
aldggl@yandex.ru
bratynia@rambler.ru

Поступило в редакцию
23 июня 2011 г.

Изв. РГО. 2011. Т. 143. Вып. 5

© Г. П. АВЕТИСОВ

ОБ ОДНОЙ КАРТОГРАФИЧЕСКОЙ ОШИБКЕ

Русская полярная экспедиция (РПЭ) Академии наук, возглавляемая Э. В. Толлем и имевшая своей конечной целью достижение Новосибирских островов и поиски Земли Санникова, отправилась в конце июня 1900 г. из Петербурга и уже к началу августа достигла Карского моря. Восточнее Диксона ледовая обстановка стала ухудшаться, и экспедиция была вынуждена встать на зимовку в заливе Колин-Арчера в районе 95° восточной долготы и 76° северной широты. Во время зимовки участники экспедиции совершали длительные поездки, в результате которых были положены на карту северо-западное побережье Таймыра и близлежащие к нему острова [3].

Около 250 географических объектов получили названия, которые прижились и красуются и на современных картах. Исключением был лишь о-в Колчака, по понятным причинам переименованный при советской власти в о-в Расторгуева, но и ему в 2005 г. возвращено первоначальное название. Не менялось даже по очевидному недосмотру власти название о-в Софии в архипелаге Литке, данное А. В. Колчаком при составлении карты в 1906 г. в честь своей жены Софии Федоровны.

Однако сейчас мною обнаружена потеря, которую ранее никто не замечал. Выявить ее удалось благодаря тому что при подготовке монографии «Имена на карте Арктики» [1] на сайте в Интернете¹ я стал подбирать фрагменты карт для каждого именного топонима. Базовыми источниками для отбора этих топонимов были классическая монография С. В. Попова и В. А. Троицкого «Топонимика морей Советской Арктики» [8] и «Справочник по истории географических названий на побережье СССР» [7].

Поиски карт шли довольно успешно, но никак не удавалось найти «Мыс Коржинского», указанный в базовых источниках как мыс бухты Книповича на юге Таймырского залива. Нет такого мыса ни на одной из современных топографических и навигационно-морских карт, ни в последней лоции Карского моря [6]. Напрашивался вывод о том, что где-то вкралась ошибка. Для меня «Топонимика морей...» является настольной книгой и я, зная с какой тщательностью, дотошностью работали ее авторы, какой огромный массив оригинальных источников они использовали, каким высочайшим профессионализмом они обладали, был почти уверен, что ошиблись не они. Моя уверенность еще более укрепилась после того, как я обратил внимание на указанный на современных картах в бухте Книповича мыс Карпинского, отсутствующий и в «Топонимике морей...», и в «Справочнике по истории...». В последней лоции Карского моря

¹ www.gpavet.narod.ru